

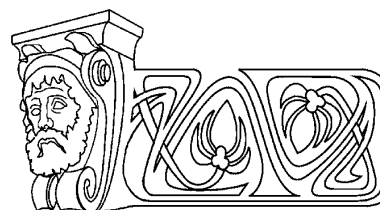

УДК 111.1

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: «ЗАКАТ» ИЛИ РАЗВИТИЕ?

Б.И. Мокин

Саратовский государственный университет
E-mail: borisivanovitch.mokin@yandex.ru

В статье обосновывается, что философия есть особый способ постижения действительности, неразрывно связанный с дедуктивным методом и не опирающийся на фактическое знание об окружающем мире. Ей свойственно и свое мышление – «осмысляющее», в отличие от научного – «вычисляющего», которому чужды проблемы духовности, что обедняет духовный мир человека, превращая его постепенно в «живой мыслящий робот».

Ключевые слова: «закат» философии, «осмысляющее» мышление, «вычисляющее» мышление, душа, духовность.

Modern Philosophy: the Decline or the Development?

B.I. Mokin

In the article the author bases the statement that the philosophy is a peculiar way of the comprehension of the actuality, the way that is inseparably connected with deduction and is not leaned upon the actual knowledge about the surrounding world. And the way of thinking that is inherent to the philosophy is 'interpretative' unlike the scientific way of thinking that can be defined as a 'calculative' one. The problems of the spirituality are alien to it and it impoverishes the spiritual world of a human turning him gradually into a lively thinking robot.

Key words: the decline of the philosophy, the interpretative way of thinking, the calculative way of thinking, the soul, the spirituality.

Идея заката западноевропейской культуры, выдвинутая в начале прошлого века О. Шпенглером, потрясла читателей его книги. Со временем острота этой оценки притупилась, но активное освоение пространства современной культуры постмодернизмом не может не заставить вновь задуматься о проблеме «заката». Размышляя об этом, остановимся на философии, которая обладает в постижении человеком мира особым статусом, заключая в себе и мировоззренческую, и методологическую сферы, определяя, в конечном счете, направленность всей человеческой деятельности. Итак, правомерно ли говорить о «закате философии»? Или слухи об этом оказались «преждевременными»?

Негативное отношение к традиционной философии и философии вообще возникло не сегодня. Еще в конце XIX в. известный физик Э. Мах, размышляющий о философии и ее роли в обществе, заявлял, что задачей своего творчества в этой сфере он считает очи-

щение науки от метафизических домыслов с тем, чтобы избавить научную мысль от напрасных блужданий, к чему, по его мнению, ее толкают априорные идеи философов. При этом он отмечал, что его работы, посвященные анализу философского знания, представляют собой творчество ученого, подчеркивая: «Нет философии Маха»¹. Но особенно отрицательное отношение к традиционной философии присуще постмодернизму, представители которого заявляют, что в Тексте как культурном коде все языки равны (Р. Барт) – художественный, философский, политический, научный, и утверждают, что подходить к Тексту надо исходя из феномена интеллектуальной игры. В деконструкции Ж. Деррида такой феномен представлен наиболее ярко, что связано у него с интересом, как он сам отмечает, к такому «критическому чтению»², в котором он стремится осуществить тотальную игру взаимозависимостей знаков. Эта игра и приводит его к отрицанию всей предшествующей философии, о чем особенно выразительно высказалась поклонница Деррида С. Кофманн, призывающая сжечь всё, чему мы ранее поклонялись, чтобы войти в новый храм, ибо «неслышанное и невиданное» письмо Деррида запрещает нам все привычные подходы³.

Учитывая такую направленность отношения к традиционной философии и философии вообще, прежде всего следует обратиться к истокам ее формирования, раскрывающим ее сущностную основу, а следовательно, и назначение.

Сама история становления и развития человеческого сознания свидетельствует о том, что осмысление мира – это способ выживания предчеловека и человека, не обладающего многими свойствами животных, необходимыми для приспособления к окружающей среде, а его осуществление шло

двумя путями – в соответствии с двумя объектами этого осмысления. *Первый* – путь познания конкретных вещей и явлений окружающего мира, дающий возможность использовать получаемое знание в практических целях, что обеспечивает жизнеспособность становящегося человека. Это отмечают многие философы, сошлемся лишь на Ю. Хабермаса, который, обобщая данные истории человеческого рода, говорит, что «познание является инструментом самосохранения»⁴. Это путь наблюдения, сопоставления, а затем – обобщения, абстрагирования и образования понятий с установлением между ними логических, по своей сути содержательных, связей. На этом пути формируется мышление, которое, используя термин М. Хайдеггера, следует определить как *вычисляющее*; его основой является индуктивный метод получения знания.

Но формирующийся человек уже выделяет себя из природной среды, что связано с логикой размышления иного порядка, когда сравниваются не отдельные вещи, а осуществляется сопоставление двух целостностей и их различение – себя и окружающей среды. Это – *второй* путь постижения действительности, в котором их мысленное соотнесение есть первый акт дедуктивной мысли. Здесь происходит понимание себя лишь в предельно общем аспекте на основе отличия от окружающего мира. Такое знание, по своей сути, является мировоззренческим, и оно уже включает в себе существенные черты *философского* осмысления действительности. Но в своем *особом статусе* – как *философского* – знание, полученное в результате сопоставления мыслящего Я и окружающей среды, оформляется исторически позднее, а именно в процессе целенаправленного стремления человека выявить фундаментальную основу не только самого Я, но и окружающего мира как целого. Смысл такого сопоставления ясно выразил Фихте: он заключается во взаимоотношении Я и не-Я. Само же это стремление человека обусловлено формированием той стороны мышления, которая основана на дедуктивном выведении связей. Первым актом такого мышления является указанное сопоставление Я и не-Я.

Философское мышление, таким образом, уже в самом становлении отличается от научного (и, конечно, обыденного) как по объекту своего осмысления, каковым в первом случае является предельно общая картина действительности во взаимодействии Я и не-Я, так и по способу размышления – дедуктивному. Такое мышление не опирается на знание конкретных вещей и их связей; к его характеристике применим термин «осмысляющее», введенный Хайдеггером и подчеркивающий его принципиальное отличие от «вычисляющего» мышления. Последнее присуще обыденному и научному познанию, а также – технической мысли. Знание, полученное в процессе такого мышления, несмотря на высокий уровень обобщения и абстрагирования, свойственный научной сфере, в конечном счете, восходит к знанию фактов чувственного мира. Обратимся вновь к Э. Маху, который писал, что «цель всякой науки – изобразить факты в идеях»⁵, уточняя при этом, что «наши идеи вполне воспроизводят факты чувственного мира. Это воспроизведение и есть задача и цель физики»⁶. Следует лишь подчеркнуть, что восходят они к стремлению древнейшего человека познавать свойства и связи отдельных вещей с тем, чтобы использовать их в практических целях.

Вычисляющее мышление достигло в настоящее время колоссальных, даже фантастических, успехов; оно способно создать коллаидеры, нанороботов, вычислить, куда выгоднее вложить финансовые средства, но оно мало что может дать не только для осмысления духовного бытия человека, но и для мировоззренческого знания вообще, ибо такое знание, полученное в ходе вычисляющего мышления, нацелено, в конечном счете, на господство над окружающим миром (пусть даже разумным). Эта установка не дает человеку возможности размышлять о себе, о душе, духовности, о своем месте в мире и не продвигает нас в понимании себя. Даже если бы была достигнута фантастическая ситуация, созданная воображением Р. Рорти, когда вместо заявления: «Мне больно», – употреблялось бы выражение: «С-волокна стимулируются»⁷, а с помощью цереброскопов можно было бы тщательно исследовать,

как происходит трансформация физиологических процессов в психические, ментальные, – все равно «душа» осталась бы «в потемках».

Безусловным засилием вычисляющего мышления объясняется и утрата интереса к духовной сфере, размышления о которой, с точки зрения «положительного» знания, бесплодны. Но забвение духовной жизни и является выражением деградации мысли человека, которому в равной степени важно и нужно знание как об окружающем мире, так и о своем духовном бытии. Правда, падению интереса к духовной сфере в определенной степени препятствует религия, которая никогда о ней не забывала. Но ее понимание духовности существенно иное, нежели нерелигиозные представления о ней. И философия не заменима в осмыслении этого феномена человеческого бытия, что напрямую связано и с практической жизнью человека, прежде всего, с формированием нравственных установок его поведения.

Понимание же Я на основе сопоставления с не-Я связано с сущностной стороной, фиксирующей его принципиальное отличие от не-Я. Этот познавательный акт и служит истоком дедуктивных размышлений, которые относятся уже не только к пониманию Я, но и к другому компоненту системы «Я – не-Я». Происходит становление философии как особого *способа познания* и размышления. Причем понимание того и другого на основе выявления их различия носит предельно общий характер, а знание, получаемое в результате этого сопоставления, логически оценивается как фундаментальное.

Возможный же ход размышления – при наличии лишь двух компонентов мысли (Я и не-Я) – включает целую систему вопрошаний, начиная с выяснения, не является ли материальность окружающего мира, от которого отлично сознающее Я, лишь видимостью, за которой скрывается некое духовное, родственное душе человека начало – иначе откуда бы взятась человеческой душе? С этим связано и множество других вопрошаний, осмысление которых создает предельно общую картину мира – онтологическую, сопряженную и с логикой дедуктивной мысли, и с общими вопросами теории познания. При

этом речь идет не только о фундаментальных основах не-Я, но вместе с тем о всё новых размышлениях о душе, духе, сознании, к осмыслению которых человек обращается вновь и вновь, поскольку их понимание непосредственно связано с трактовкой фундаментальных основ окружающего мира (не-Я), что обусловлено всеобщим характером смыслов, вкладываемых в эти понятия.

Не опираясь на факты, философское знание, однако, связано с накоплением опыта, но иного порядка, нежели в науке, а именно: с возможностью понимания многообразия предметов и явлений как целостностей, к чему мышление приходит не через цепь логических связей, устанавливаемых между единичными вещами, а в результате его *синтезирующей* способности, наподобие той, что свойственна чувственному восприятию, представляющему собой тоже целостное образование как совокупность ощущений. Это та способность, благодаря которой для человека очевидно взаимное отличие треугольника, круга, квадрата и т.п. без всяких логических доказательств. Гуссерль эту способность мышления связал с феноменологической интуицией, хотя для определения данного познавательного феномена необязательно использовать именно этот термин.

Имея в виду наличие такого мыслительного опыта, позволяющего «схватывать» некоторую совокупность явлений как целостность, на чем, собственно, и покоится философствование, не следует понятие «априорный» оценивать негативно – как только что-то умозрительное, не имеющее отношения к реальному миру. С образованием априорного знания связан не опыт отношений человека к единичным вещам, а *интеллигибельный опыт* «видения» некоторого их множества как целостности и способности сознания мысленно ее сопоставлять с другими целостностями. Уже в античном мышлении такой способ использовался в полной мере. Наиболее широко он осуществляется Платоном, отправной точкой в понимании фундаментальных основ мира у которого выступает аналогия с миром идей человека. Размышлять о душе, о мире и его «основах», о смысле жизни, бытия, о судьбе и свободе, на что прежде всего и нацелено философское мыш-

ление, невозможно как о чем-то конкретном, ибо философское знание определяет объекты своего интереса в предельно широком плане – через выяснение их принципиального различия, восходящего к взаимоопределению Я и не-Я, в силу чего оно существует в бинарных понятиях: материальное – идеальное, бытие – небытие и т.п.

Но такое мышление, опирающееся на априорные идеи, не может удовлетворять исследователей, ориентированных на естественные науки. Поэтому с тех пор, как в обществе широко утвердилось «положительное» знание, знание, получаемое дедуктивным способом из некоторых всеобщих логических оснований, подвергается отрицанию. Перевод же исследовательского внимания с вопрошаний, возникающих в процессе рассмотрения фундаментальных, всегда бинарных понятий, на проблемы, связанные с «положительным» знанием, стирает различия между последним и философией. По поводу такой ситуации в философии М. Хайдеггер справедливо говорил в беседе с французским корреспондентом: «Сегодня то, что называется философией, редко бывает чем-либо иным как отпечатком технической идеологии, заимствующим методы, свойственные физике и биологии»⁸.

Однако благодаря успехам науки и техники вычисляющее мышление оставляет все меньше пространства в сознании человека осмысляющему компоненту. И это проявляется не только в том, что представители «позитивного» знания отрицают значимость традиционного философствования, но и в том, что в самой философской мысли в XX в. центр внимания переносится на языковую сферу («лингвистический поворот»), причем в различных аспектах, начиная с утверждения о том, что «язык – дом бытия» (Хайдеггер), и представителей философов-аналитиков, с точки зрения которых решение философских проблем невозможно без логического анализа языка, поскольку «1) рассмотрению языка не предшествует рассмотрение мысли; 2) рассмотрение языка исчерпывает рассмотрение мышления; 3) не существует иных адекватных способов, посредством которых может быть достигнуто адекватное рассмотрение мысли»⁹. Конечно, об-

ращение к объектам, для анализа которых могут быть использованы понятия, не обладающие всеобщностью, возможно, но такое знание не составляет фундамента философии как *особого способа постижения* действительности; оно выступает «частным» случаем философского исследования, т.е. представляет собой анализ какой-либо сферы действительности с философских позиций, который никак не может исчерпать философскую сферу знания, такую же безграничную, как процесс познания действительности конкретными науками.

Подмена же философского, осмысляющего мышления вычисляющим обедняет человека настолько, что он превращается в своего рода «мыслящий деловой робот». Правда, остается еще поэтическое мышление, «мышление в образах», которое восходит к эстетическому созерцанию (о нем мы в данном случае не будем вести речь), но и оно может быть вытеснено вычисляющим мышлением, а человеку с таким мышлением непонятно и чуждо паскалевское «безмолвное созерцание» с его вопросом: «Человек в бесконечности – что он значит?»

Понимание же духовной сферы при этом связано с многознанием (если, конечно, не сводится к религиозному представлению), а размышление о духовности личности как ее устремленности мыслить и переживать высокое предназначение человека, преодолевающей господство мелких и обыденных интересов, сводится к социологическим выкладкам, обращенным к сфере культуры вообще. «Душа», «дух» при этом становятся ненужными понятиями, что равноценно потере человеком самого себя, ибо понимание себя было, есть и будет для него так же важно, как и познание законов окружающего мира. Поэтому мировоззренческое знание, представляющее собой в основе отношение Я и не-Я, на базе которого и возникает философия как особый способ постижения действительности, формируется независимо от познания конкретных вещей. И этот способ невозможен в пространстве вычисляющего мышления, ориентированного на получение практического знания, хотя осмысляющее мышление использует его обобщающие выводы, в свою очередь, методологически направляя процесс познания окружающего мира.

В преувеличенном критицизме современных философов по отношению к философствованию предшествующих веков безусловно одно: философская мысль современности не может быть такой же, как в прошлом, так как любая мысль, особенно философская, динамична. Ж. Делёз такой динамизм выразил в идее «номадической» (кочующей) философии. И в этом отношении он прав – философская мысль не может быть «застывшей», ибо, как показывает история философии, в то или иное понятие, идею каждый философ вкладывает свой смысл, выражаемый, по Делёзу, в «концепте». Именно в смене смыслов, что связано с изменением видения, заключается динамизм философской мысли, поэтому нельзя не согласиться с Делёзом в том, что «как только появляется концепт, рождается и подлинная философия»¹⁰.

Однако нельзя философскую мысль, учитывая ее динамизм и неопределенность – вследствие всеобщности и широты понятий – сводить к своего рода интеллектуальной игре. Ее предназначение с самого начала формирования – постигать мир и, прежде всего, себя, человека, свою «душу», духовность. Стремление к ее интерпретации в игровом аспекте – напластования уже современной философии, обусловленные опять же влиянием вычисляющего мышления, для которого умозрительные философские построения бессмысленны.

Конечно, критика предшествующих концепций для философии является, по существу, ее необходимым компонентом, но попытки «преодолеть» традиционную философию каким-то другим способом размышления не могут быть успешным. Даже такой критик метафизики, как Ж. Деррида, понимал, что ее нельзя «выбросить в мусорный ящик»¹¹. Эта невозможность обусловлена тем, что философское, по своей сути, осмысляющее мышление восходит к фундаментальной основе – взаимоотношению Я и не-Я, хотя в современном философствовании этот «фундамент» сокрыт, неявен вследствие его ориентации на анализ языковой сферы.

Примечания

¹ Мах Э. Анализ ощущений / Э. Мах. М., 2005. С.299.

² Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. М., 2000. С.111.

³ Там же. С.54.

⁴ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. М., 2007. С.185.

⁵ Мах Э. Указ. соч. С.263.

⁶ Там же.

⁷ Рорти Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. Новосибирск, 1997. С.59.

⁸ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. М., 1992. С.157.

⁹ Dummett M. The interpretation of Frege's Philosophy / M. Dummett. L., 1981. P.39.

¹⁰ Делёз Ж. Переговоры / Ж. Делёз. СПб., 2004. С.50.

¹¹ Жак Деррида в Москве / Пер. с фр. и англ.; предисл. М.К. Рыхлина. М., 1993. С.168.